ИСТОРІЯ ТЕКСТА
СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА

— Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакціею и съ объяснительными примѣчаніями П. О. Морозова (съ приложеніемъ трехъ портретовъ Пушкина). Спб. 1887. Семь томовъ, больш. 8°.

Въ нашей литературѣ нѣтъ писателя, котораго самый текстъ представлялъ бы столь сложную и запутанную исторію, какъ текстъ Пушкина. Весьма нерѣдко бываетъ, что сочиненія писателя въ ихъ полныхъ, особливо посмертныхъ, изданіяхъ являются съ варіантами, дополненіями, даже съ новыми, раньше неизвѣстными, произведеніями, которыя, по тому или другому случаю, не вышли въ свѣтъ при жизни автора; но сочиненія Пушкина имѣли, въ этомъ отношеніи, особенно сложную судьбу. Не одно изъ его произведеній еще при жизни его извѣстно было въ разныхъ чтеніяхъ; посмертное изданіе (1838—41 г.), выходившее подъ редакціей его друзей и поклонниковъ и въ послѣднихъ томахъ давшее цѣлый рядъ неизданныхъ раньше произведеній его, отличалось большими неточностями; изданіе г. Анненкова (1855 — 57 г.), который послѣ того впервые получилъ доступъ къ рукописямъ поэта и сопроводилъ текстъ Пушкина извѣстными „Матеріалами“ для его біографіи, во многихъ случаяхъ было настоящимъ открытіемъ, какъ относительно правильнаго чтенія многихъ произведеній Пушкина и новыхъ текстовъ, такъ и относительно правильнаго пониманія ихъ смысла и біографическаго происхожденія... Но чтобы сообщить свои, вновь добытые, результаты, издателю

пришлось вести трудную, часто непосильную борьбу съ обстоятельствами того времени, а изданіямъ позднѣйшимъ надо было вновь дополнять и исправлять то, чего въ немъ недоставало. Дѣло усложнялось самимъ характеромъ произведеній Пушкина, особливо раннихъ: многое изъ нихъ никогда, и до сихъ поръ, не могло явиться въ нашей печати; до заграничныхъ изданій 60-хъ годовъ, многое ходило только въ рукописномъ обращеніи, подвергаясь обычнымъ его случайностямъ; въ число мелкихъ стихотвореній Пушкина, особливо эпиграммъ, упорно вмѣшивались пьесы, совсѣмъ ему не принадлежавшія. Только послѣ 1880 года стали, хотя не вдругъ, общественнымъ достояніемъ самыя рукописи Пушкина, которыми пользовались первые издатели и г. Анненковъ и которыя съ тѣхъ поръ лежали подъ спудомъ; но и здѣсь открывались новыя недоумѣнія: лица, занявшіяся этими рукописями и печатавшія ихъ содержаніе, не разъ читали одинъ и тотъ же текстъ различно, относили его къ разному времени, и т. п., и все-таки не исчерпали матеріала рукописей. Рукописи Пушкина состоятъ, главнымъ образомъ, изъ черновыхъ тетрадей, писанныхъ для себя, часто небрежно, съ помарками и поправками, такъ что ихъ чтеніе требовало особенной внимательности; зато оно вознаграждалось любопытными результатами — черновыя давали возможность наблюдать самый процессъ творчества Пушкина, потому что здѣсь находились иногда пьесы въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ обработкахъ, отъ перваго наброска до окончательно установленнаго текста. Первое подробное изученіе рукописей сдѣлано было г. Анненковымъ; въ послѣдніе годы ими пользовался г. Бартеневъ, затѣмъ цѣльное описаніе ихъ дано было г. В. Якушкинымъ, наконецъ онѣ доставили матеріалъ для изданія Литературнаго Фонда.

Такимъ образомъ, текстъ и цѣлость произведеній Пушкина и ихъ чтеніе возстановлялись въ томъ родѣ, какъ это дѣлается съ текстами древнихъ классиковъ. Самъ поэтъ не успѣлъ дать полнаго и окончательнаго изданія своихъ произведеній; многихъ онъ совсѣмъ не видѣлъ въ печати, и, къ сожалѣнію, въ первомъ посмертномъ изданіи онѣ, независимо даже и отъ цензурныхъ искаженій, часто являлись въ весьма неисправномъ видѣ, какъ, впрочемъ, и весь текстъ этого изданія. Бѣлинскій, приступая къ своимъ статьямъ о Пушкинѣ, очень жаловался на эту неисправность изданія 1838—1841 года (въ 11-ти томахъ). „Всѣмъ извѣстно,—говорилъ онъ,—что восемь томовъ сочиненій Пушкина изданы, послѣ смерти его, весьма небрежно во всѣхъ отношеніяхъ — и типографскомъ (плохая

бумага, некрасивый шрифтъ, опечатки, а индѣ и искаженный смыслъ стиховъ), и редакціонномъ (пьесы расположены не въ хронологическомъ порядкѣ, по времени ихъ появленія изъ-подъ пера автора, а по родамъ, изобрѣтеннымъ Богъ знаетъ чьимъ досужествомъ). Но что всего хуже въ этомъ изданіи — это его неполнота: пропущены піесы, помѣщенныя самимъ авторомъ въ четырехъ-томномъ собраніи его сочиненій, не говоря уже о піесахъ, помѣщенныхъ въ „Современникѣ" и при жизни, и послѣ смерти Пушкина. Послѣдніе три тома сдѣланы компаніею издателей-книгопродавцевъ [1]), которые, что могли сдѣлать, какъ издатели, сдѣлали хорошо, т.-е. издали эти три тома красиво и опрятно, но такъ же неполно, какъ были изданы (не ими, впрочемъ) первые восемь томовъ. Справедливый ропотъ публики, которая, заплатя за одиннадцать томовъ сочиненій Пушкина шестьдесятъ-пять рублей асс. (сумму, довольно значительную и для книги, хорошо и полно изданной), все-таки не имѣла въ рукахъ полнаго собранія сочиненій Пушкина,—этотъ ропотъ, соединенный съ столь же дурнымъ расходомъ трехъ послѣднихъ, какъ и восьми первыхъ томовъ, и справедливое негодованіе нѣкоторыхъ журналистовъ на такое оскорбленіе тѣни великаго поэта,—все это побудило издателей трехъ остальныхъ томовъ сочиненій Пушкина обѣщать отдѣльное дополненіе къ нимъ, въ которомъ публика могла бы найти рѣшительно все, что написано Пушкинымъ и что не вошло въ одиннадцать томовъ полнаго собранія его сочиненій. А пропущено такъ много, что изъ дополненія вышелъ бы цѣлый томъ... О немъ много толковали, и мы даже видѣли опыты приготовленія къ этому дѣлу... Но время шло, а вожделѣнное дополненіе не являлось, и мы, право, не знаемъ, явится ли оно когда-нибудь" [2]).

Этого дополненія не явилось.

Новое изданіе Пушкина сдѣлано было только лѣтъ черезъ пятнадцать. Мы еще помнимъ впечатлѣніе, произведенное изданіемъ г. Анненкова въ тогдашнемъ литературномъ кругу: среди той гнетущей атмосферы, которая тяготѣла надъ литературой съ конца сороковыхъ годовъ (когда умеръ и Бѣлинскій), и до половины пятидесятыхъ, новое изданіе Пушкина было свѣтлымъ лучомъ и было привѣтствовано съ большою радостью всѣми друзьями и любителями литературы, тѣмъ болѣе, что извѣстно было, какихъ трудовъ стоило издателю какъ самое дѣло — устройство этого

---

[1]) Это были Глазуновъ и Заикинъ.

[2]) Сочин. Бѣлинскаго, VIII, изд. 2, стр. 92—93.

предпріятія, организація изданія, собираніе множества разсѣянныхъ по старымъ книгамъ сочиненій Пушкина, изученіе рукописей, опредѣленіе чтенія -- такъ и проведеніе изданія черезъ Сциллу и Харибду тогдашнихъ цензурныхъ требованій, что также исполнено было большими затрудненіями и опасностями. То и другое было своего рода подвигомъ: въ отношеніи историко-литературномъ, трудъ г. Анненкова былъ еще рѣдкимъ тогда образцомъ правильнаго изданія классическаго писателя, изданія, обставленнаго необходимымъ матеріаломъ для правильнаго опредѣленія текста и для объясненія отдѣльныхъ произведеній и, наконецъ, обогащеннаго старательно собраннымъ матеріаломъ для біографіи; самая біографія въ тогдашнихъ практическихъ условіяхъ литературы была совершенно немыслима. Тогда очень понимали, чего стоило достичь введенія въ литературу сочиненій Пушкина въ томъ видѣ, какъ это сдѣлано было г. Анненковымъ; это былъ цѣлый рядъ усилій защитить заподозрѣнное право литературы, при весьма мудреныхъ обстоятельствахъ—имени Пушкина было довольно, чтобы возбудить вновь то недовѣріе, какимъ оно окружено было при жизни Пушкина въ извѣстныхъ сферахъ; тѣ же условія, тѣ же дѣятели того времени были еще на-лицо... Надо припомнить положеніе литературы наканунѣ событій крымской войны, чтобы понять то особенное сочувствіе, съ которымъ встрѣчено было изданіе г. Анненкова тридцать лѣтъ тому назадъ. „Нетерпѣливое ожиданіе, — говорилъ одинъ журналъ того времени, — настоятельная потребность русской публики, наконецъ, удовлетворяется... Событіями, радостными для всѣхъ образованныхъ людей русской земли, ознаменовано начало 1855 года: въ одной столицѣ юбилей московскаго университета, столь много участвовавшаго въ распространеніи просвѣщенія, столь много содѣйствовавшаго развитію науки въ Россіи; въ другой столицѣ достойное изданіе твореній великаго писателя, имѣвшаго такое вліяніе на образованіе всей русской публики — какія торжества для русской науки и литературы!“ Изданіе г. Анненкова, по отзыву тогдашней критики, было „лучшее изданіе, какое могло быть сдѣлано въ настоящее время; недостатки его неизбѣжны, достоинства его огромны, и вся русская публика будетъ благодарна за нихъ издателю“ [1]).

Въ трудѣ г. Анненкова въ первый разъ данъ былъ единственно правильный пріемъ изданія,—который и въ дальнѣйшихъ изданіяхъ не всегда былъ примѣненъ, отчасти по непониманію

[1]) „Современникъ“, 1855, № 2, стр. 27—30.

дѣла, отчасти отъ одной невозможности, и который теперь введенъ снова въ изданіи Литературнаго Фонда. „Первою заботой новаго изданія,—говорилъ г. Анненковъ въ предисловіи (ко 2-му тому),—должно было сдѣлаться исправленіе текста изданія предшествующаго; но это, по важности задачи, не могло произойти иначе, какъ съ представленіемъ доказательствъ на право поправки или измѣненія. Отсюда система примѣчаній, допущенная въ настоящее изданіе. Каждое изъ произведеній поэта, безъ исключенія, снабжено указаніемъ, гдѣ впервые оно явилось, какіе варіанты получило въ другихъ редакціяхъ при жизни поэта и въ какомъ отношеніи съ текстомъ этихъ редакцій находится текстъ новаго изданія. Читатель имѣетъ, такимъ образомъ, по возможности, исторію внѣшнихъ и, отчасти, внутреннихъ измѣненій, полученныхъ въ разныя эпохи каждымъ произведеніемъ, и по ней можетъ исправить недосмотры посмертнаго изданія, изъ коихъ наиболѣе яркіе исправлены уже и издателемъ предлагаемаго собранія сочиненій Пушкина. Многія изъ стихотвореній и статей поэта (особенно тѣ, которыя явились въ печати послѣ смерти его) сличены съ рукописями и по нимъ указаны числовыя помѣтки автора, его первыя мысли и намѣренія“.

Кромѣ исправленія текста, надо было и дополнить его тѣми произведеніями, которыя пропущены были въ посмертномъ изданіи Пушкина, а для того пересмотрѣть множество журналовъ и альманаховъ, въ которыхъ помѣщались стихотворенія и статьи Пушкина, воспользоваться новѣйшими указаніями объ этихъ пропускахъ, наконецъ ввести въ изданіе все то, что́ возможно было извлечь изъ рукописей, которыми имѣлъ возможность пользоваться г. Анненковъ. Ко всему этому г. Анненковъ присоединялъ объясненія и свѣденія о томъ, по какому поводу и въ какихъ обстоятельствахъ было написано то или другое произведеніе.

Другимъ нововведеніемъ г. Анненкова было распредѣленіе произведеній Пушкина. Въ старомъ изданіи приняты были осужденныя еще Бѣлинскимъ рубрики по родамъ, „изобрѣтеннымъ Богъ знаетъ чьимъ досужествомъ“ (это было досужество авторовъ старыхъ „піитикъ“): вмѣсто того, г. Анненковъ положилъ въ основу хронологическій порядокъ, принявъ лишь немногіе отдѣлы, необходимые по самому существу дѣла, а именно, въ отдѣлѣ стихотвореній—произведенія лирическія, эпическія и драматическія; въ прозѣ—одинъ отдѣлъ составляютъ записки Пушкина (въ томъ числѣ: мысли и замѣчанія; критическія замѣтки; анекдоты; путешествіе въ Арзрумъ), другой—романы и повѣсти (и здѣсь же „Сцены изъ

рыцарскихъ временъ"); третій—журнальныя статьи, вошедшія и не вошедшія въ посмертное изданіе; четвертый — исторія Пугачевскаго бунта. Наконецъ, разные небольшіе отрывки и замѣтки собраны въ „Матеріалахъ для біографіи".

Издатель предполагалъ, что въ будущемъ надъ Пушкинымъ предстоитъ еще работа дальнѣйшихъ объясненій, но, по крайней мѣрѣ, думалъ, что „арена для библіографической, филологической и исторической критики открыта". Впослѣдствіи объясненіе Пушкина дѣйствительно обогатилось новыми важными дополненіями, въ которыхъ бо́льшая доля принадлежала опять біографическимъ изысканіямъ г. Анненкова.

Выше мы упомянули о практическихъ трудностяхъ, съ какими приходилось бороться г. Анненкову при исполненіи своего предпріятія. Чтобы оцѣнить ихъ должнымъ образомъ, надо припомнить собственный разсказъ издателя, разсказъ, который, притомъ, сталъ возможенъ только черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ самаго дѣла [1]).

Авторъ разсказываетъ, въ какихъ условіяхъ онъ приступалъ къ своему изданію, какимъ крайнимъ предубѣжденіемъ и, можно сказать, недоброжелательствомъ встрѣчено было его предпріятіе въ тогдашнемъ цензурномъ вѣдомствѣ, и излагаетъ содержаніе той записки, которую ему, въ видѣ особеннаго исключенія, разрѣшено было представить въ это вѣдомство въ оправданіе различныхъ заподозрѣнныхъ и назначенныхъ къ запрещенію мѣстъ въ сочиненіяхъ Пушкина. Прежде всего самое изданіе сдѣлалось возможнымъ только по участію высочайшей воли. „При самомъ возникновеніи мысли объ изданіи сочиненій поэта, воспослѣдовало, какъ всѣмъ тогда было извѣстно, высочайшее повелѣніе, предоставлявшее покойной Натальѣ Николаевнѣ Ланской (вдовѣ Пушкина), матери и попечительницѣ дѣтей Пушкина, право на повтореніе въ новомъ предполагавшемся изданіи всѣхъ произведеній поэта, безъ исключенія, напечатанныхъ въ посмертномъ изданіи 1838—1841, которое тоже обязано было своимъ осуществленіемъ единственно прямому вмѣшательству и указанію верховной власти. Такимъ образомъ, главный матеріалъ всего предпріятія былъ на-готовѣ и притомъ уже изъятый отъ всякаго рода браковки. Безъ охранной грамоты, данной ему вновь упомянутымъ распоряженіемъ, которое сдерживало въ границахъ

[1]) См. статью г. Анненкова: „Любопытная тяжба", „Вѣстникъ Европы", 1881, январь. Довольно забавно, что въ каталогѣ г. Межова прибавлено къ заглавію этой статьи объясненіе: „О тяжбѣ, возникшей по поводу изданія сочиненій Пушкина". Puschkiniana, № 1403.

приличія и разума ревность литературной полиціи — неизвѣстно, что̀ сталось бы съ доброй частію литературнаго достоянія поэта, уже столько лѣтъ находившагося въ обладаніи читающей публики". Но оказалось, что, несмотря даже на „охранную грамоту", цензоръ заносилъ руку и на стихотворенія, давно обошедшія, въ старомъ изданіи, весь русскій читающій миръ, и, напр., на патріотическую пьесу „Герой",—„доказывая тѣмъ еще разъ (замѣчаетъ г. Анненковъ), что охрана государственныхъ началъ, устроенная на бюрократическую ногу, часто теряетъ изъ вида, въ погонѣ за призраками, ею созданными, ту самую цѣль, ради которой она и существуетъ"... Тѣ пьесы Пушкина, которыя печатались въ журналахъ, начиная съ 1814 года, но были забыты въ посмертномъ изданіи, были уже совершенно лишены упомянутой охраны, также какъ всѣ тѣ новые отрывки и матеріалы, которые были извлечены вновь изъ рукописей; ихъ въ особенности и приходилось отстаивать издателю. Въ томъ же беззащитномъ положеніи находились „Матеріалы для біографіи" поэта и примѣчанія, собранныя издателемъ для объясненія Пушкинскаго текста; „но тутъ (говоритъ г. Анненковъ) составитель ихъ зналъ, при какой обстановкѣ и въ какихъ условіяхъ онъ работаетъ, и могъ принимать мѣры для огражденія себя отъ непосредственнаго вліянія враждебныхъ силъ... Не трудно указать теперь на многія мѣста его біографическаго и библіографическаго труда, гдѣ, видимо, отражается страхъ за будущность своихъ изслѣдованій и гдѣ бросаются въ глаза усилія предупредить и отвратить толкованія и заключенія подозрительности и напуганнаго воображенія отъ его выводовъ и сообщеній".

Просмотръ новаго изданія Пушкина порученъ былъ цензору (А. Фрейгангу), который, по словамъ г. Анненкова, „пользовался репутаціей тонкаго эксперта по части отгадки тайныхъ авторскихъ намѣреній, благодаря только его привычкѣ встрѣчать всякую незаурядную мысль и сильное чувство вопросомъ объ ихъ происхожденіи и, по своему усмотрѣнію, опредѣлять, благонадежно ли оно и имѣетъ ли прямыя доказательства своей законности" [1])... Въ настоящемъ случаѣ, цензоръ дошелъ въ своихъ запрещеніяхъ до „неимовѣрныхъ рѣшеній", и хотя эти рѣшенія, въ случаѣ принятія ихъ комитетомъ, становились безапелляціонными, издатель попытался защищать Пушкина. Дѣло было нелегко. Предсѣдателемъ цензурнаго комитета былъ тогда попечитель петербург-

[1]) Къ этому лицу относятся цензурныя воспоминанія въ одномъ изъ стихотвореній Некрасова.

скаго учебнаго округа, Мусинъ-Пушкинъ, и онъ утвердилъ всѣ помарки, сдѣланныя цензоромъ, такъ что дѣло должно было считаться рѣшеннымъ. Издатель успѣлъ, однако, исходатайствовать дозволеніе представить, съ своей стороны, записку въ оправданіе тѣхъ мѣстъ въ изданіи, которыя были исключены цензоромъ. Дозволеніе было рѣдкимъ примѣромъ снисходительности и получено было лишь благодаря тому, что за это дозволеніе высказались столь вліятельныя лица, какъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, Норовъ,—по словамъ г. Анненкова,—получившій литературное образованіе, и начальникъ штаба корпуса жандармовъ, Дуббельтъ, который не находилъ опасности для дѣйствующихъ по печати законовъ въ допущеніи „записки", ни для кого необязательной при рѣшеніи спорныхъ пунктовъ. Ихъ мнѣніе одержало верхъ, хотя Мусинъ-Пушкинъ, по слухамъ, выражалъ мнѣніе, что такая поблажка издателю могла бы послужить дурнымъ примѣромъ для авторовъ вообще, постоянно заявляющихъ нестерпимую претензію знать причины цензурныхъ распоряженій, до нихъ касающихся, а когда потомъ нѣсколько пунктовъ защиты были приняты въ уваженіе высшею цензурною инстанціей, т.-е. (по тогдашнему) министромъ народнаго просвѣщенія, то Мусинъ-Пушкинъ, выходя изъ засѣданія, сказалъ съ негодованіемъ: „Еще не бывало, чтобы цѣлое вѣдомство пожертвовано было неизвѣстно откуда взявшемуся господину".

По собственному разсказу г. Анненкова, объяснительная записка, составлявшаяся въ подобныхъ условіяхъ, должна была отличаться такимъ тономъ, пріемами рѣчи и доводовъ, которые отвѣчали бы этой обстановкѣ, придерживаться уровня понятій людей, для которыхъ она предназначалась. „Составитель записки ищетъ аргументовъ для защиты своихъ положеній и требованій не во внутренней правдѣ, которая въ нихъ заключалась или могла заключаться, а въ той счастливой случайности, что они не противорѣчатъ ни одной изъ господствующихъ идей въ обществѣ. Вся „записка", такимъ образомъ, получила характеръ и оттѣнокъ адвокатской рѣчи, произнесенной въ защиту безпомощнаго кліента, нуждающагося въ снисхожденіи своихъ судей, и странное впечатлѣніе производитъ теперь вся ея аргументація, когда вспомнишь, что кліентомъ тутъ былъ не кто иной, какъ Пушкинъ".

Приведенныя г. Анненковымъ выдержки изъ объяснительной записки, поданной имъ въ 1854 году, и гдѣ поставлены en regard мѣста, назначенныя къ исключенію, и объясненія издателя, вполнѣ подтверждаютъ это замѣчаніе. Любопытно, между прочимъ, что въ числѣ исключеній, предположенныхъ цензоромъ, находи-

лись и такія, которыя г. Анненковъ называетъ „почти антиправительственными“, какъ, напримѣръ, запрещеніе замѣтокъ къ стихотворенію „Герой“, подъ которымъ разумѣлся самъ императоръ Николай. Къ счастію, объясненія издателя, благодаря вмѣшательству министра народнаго просвѣщенія, были, во многихъ случаяхъ, найдены уважительными, но въ другихъ запрещеніе сохранило силу.—Нерѣдко, подъ впечатлѣніемъ страха, издатель самъ не помѣщалъ нѣкоторыхъ подробностей произведеній Пушкина, чтобы излишнимъ рискомъ не ухудшить дѣла.

Таковы были обстоятельства, въ которыхъ изготовлялось изданіе г. Анненкова. Онъ предвидѣлъ, что въ его трудѣ окажутся недостатки и недочеты, которые потребуютъ дальнѣйшихъ дополненій; но арена для критики дѣйствительно была открыта, и дополненія явились—еще лѣтъ черезъ двадцать-пять—съ тѣхъ поръ, какъ рукописи Пушкина стали общимъ достояніемъ...

Послѣ изданія г. Анненкова, когда оно окончательно истощилось, право печатанія сочиненій Пушкина пріобрѣтено было книгопродавцемъ Исаковымъ, который издалъ ихъ два раза подъ редакціей Геннади (1859—1860, 1870) и въ третій разъ, подъ редакціею г. Ефремова (1880—1881). Затѣмъ, право на сочиненія Пушкина перешло къ московскому книгопродавцу Анскому, который повторилъ въ значительно дополненномъ видѣ изданіе г. Ефремова (1882). Въ изданіяхъ съ редакціею Геннади появляются уже нѣкоторыя дополненія изъ печатныхъ пьесъ, пропущенныхъ г. Анненковымъ, но, въ цѣломъ, это—самыя дурныя изданія Пушкина по крайней небрежности редакціи и печатанія. Книгопродавецъ, владѣвшій правомъ издавать Пушкина, смотрѣлъ на дѣло съ чисто рыночной точки зрѣнія; онъ зналъ, что Пушкинъ нуженъ, что онъ „пойдетъ“, и не задумывался о редакціи. Приглашенный имъ редакторъ былъ прилежный библіографъ, но совершенно неспособный ко взятому на себя труду; притомъ книгопродавецъ не позаботился даже выговорить себѣ право пользоваться бумагами Пушкина. Наконецъ, изданія Геннади искажены были до безобразія опечатками. Впечатлѣніе, какое производили эти изданія, выражено было тогда въ эпиграмматическомъ двустишіи, приравнивавшемъ редактора къ „адову исчадію“ — Дантесу... Надо было радоваться, когда, при третьемъ Исаковскомъ изданіи, редакція перешла къ г. Ефремову. Первая редакція г. Ефремова отличалась несравненно большею точностью и обиліемъ библіографическихъ изысканій, а вторая добавила, кромѣ того, цѣлый новый томъ изъ писемъ Пушкина, никогда до тѣхъ поръ не собранныхъ, и соединеніе которыхъ въ одно цѣлое было

прекраснымъ дополненіемъ къ сочиненіямъ Пушкина и большимъ облегченіемъ біографическихъ разысканій.

До 1880 года, рукописи Пушкина все еще оставались недоступными. Книгопродавецъ Исаковъ, какъ мы сказали, пріобрѣтая право изданія, не подумалъ о необходимости новаго пересмотра рукописей, такъ что текстъ Пушкина послѣ г. Анненкова могъ быть дополняемъ изъ однихъ печатныхъ источниковъ. Послѣ Пушкинскаго празднества въ Москвѣ, наслѣдники Пушкина пожертвовали эти рукописи Московскому Румянцовскому Музею; но случилось такъ, что, на первое время, доступъ къ нимъ сдѣлался монополіей г. Бартенева, который и воспользовался ею для „Р. Архива" и отдѣльнаго изданія нѣкоторыхъ бумагъ Пушкина, но, какъ послѣ оказалось, читалъ и печаталъ эти бумаги весьма неумѣло и небрежно. Вскорѣ, однако, монополія кончилась, и рукописи Пушкина стали доступны для всѣхъ, кто желалъ бы изучать ихъ, и въ послѣднее время онѣ были подробно осмотрѣны г. В. Якушкинымъ [1]). Изданіе г. Ефремова 1882 года могло воспользоваться матеріаломъ рукописей Пушкина только въ очень небольшой степени.

Свое изложеніе содержанія рукописей Пушкина г. Якушкинъ начинаетъ разсказомъ о ихъ судьбѣ со смерти поэта. Когда Пушкинъ доживалъ свои послѣдніе часы, императоръ Николай поручилъ Жуковскому запечатать и разобрать потомъ остающіяся отъ него рукописи. Жуковскій исполнилъ порученіе. Черезъ три четверти часа по кончинѣ Пушкина, онъ запечаталъ своей печатью кабинетъ покойнаго; но это показалось, однако, недостаточнымъ, и рукописи Пушкина были еще разсмотрѣны и перемѣчены чинами жандармскаго вѣдомства. Но ни опекуны, съ Жуковскимъ во главѣ, ни жандармы не исполнили дѣла какъ слѣдуетъ: рукописи были перенумерованы весьма небрежно и несходно. Очень часто нумерація опекуновъ (черныя цифры наверху листовъ) не совпадаетъ съ нумераціей жандармовъ (красныя цифры по срединѣ листовъ) оттого, что та и другая пропускали иногда по листу и больше; иногда листы пропущены были обѣими нумераціями, и такъ и остались безъ помѣты. Счетъ листовъ былъ, повидимому, порученъ опекунами какому-то полуграмотному писцу; по крайней мѣрѣ, на ярлыкахъ тетрадей сдѣлана слѣдующая нескладная надпись: „Рукописная книга подлиннаго оригинала А. С. Пушкина, вышедшаго при жизни его сочиненій"; приготов-

---

[1]) „Рукописи А. С. Пушкина, хранящіяся въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ", рядъ статей въ „Р. Старинѣ", 1884, т. 41—44, февраль—декабрь.

лены мѣста для подписи „опекуна“, но опекунъ нигдѣ не подписался. Чины жандармскіе были въ этомъ отношеніи нѣсколько аккуратнѣе; на многихъ тетрадяхъ счетъ листовъ скрѣпленъ подписью Дуббельта, хотя, какъ выше сказано, самый счетъ былъ невѣренъ. Далѣе, жандармскіе чины, сами составляя тетради изъ несшитыхъ листовъ, вкладывали просто листы одинъ въ другой и сшивали ихъ, не обращая вниманія на путаницу страницъ, такъ что теперь, въ подобныхъ тетрадяхъ, послѣ 1-го листа приходится перевернуть всю тетрадь и читать продолженіе текста на послѣднемъ, напримѣръ, 61-мъ листѣ, затѣмъ читать листъ 2-й и 60-й, л. 3-й и 59-й, и т. д.

Рукописи должны были составить важный матеріалъ для изданія; онѣ богаты были неизданными произведеніями и доставляли много дополненій. Извѣстно, что Пушкинъ подолгу, иногда по нѣскольку лѣтъ, не печаталъ пьесъ, уже вполнѣ отдѣланныхъ; далѣе, въ печати приходилось ему дѣлать пропуски и перемѣны по цензурнымъ требованіямъ, и сохранившіяся рукописи давали возможность возстановить первоначальный текстъ при перемѣнѣ цензурныхъ взглядовъ; наконецъ, въ рукописяхъ осталось много плановъ, набросковъ, не вполнѣ отдѣланныхъ пьесъ, которые для посмертныхъ издателей должны были имѣть большую важность, потому что въ этомъ неконченномъ было много любопытнаго біографически и прекраснаго въ художественномъ отношеніи.

Изъ всѣхъ изданій Пушкина только первое посмертное и Анненковское—пользовались рукописями Пушкина; но если изданіе г. Анненкова свидѣтельствуетъ о томъ, какъ неудовлетворительно было первое изданіе, то изъ ближайшаго изученія рукописей г. Якушкинъ вынесъ заключеніе, что и г. Анненковъ отчасти далеко не исчерпалъ всего матеріала, доставляемаго рукописями, даже помимо цензурныхъ затрудненій того времени, а отчасти неправильно иногда имъ пользовался. По словамъ г. Якушкина, самыми своими „Матеріалами“ для біографіи поэта г. Анненковъ показалъ на дѣлѣ, какое важное значеніе имѣютъ тетради Пушкина для его біографіи и для оцѣнки его творчества; между тѣмъ онъ „почему-то пренебрегъ значительною, бо́льшею частію бывшаго у него въ рукахъ матеріала“. Припоминая отвѣтъ, данный однажды г. Анненковымъ на подобные упреки въ неполнотѣ,— что требованія эстетической критики не должны давать мѣста въ собраніи сочиненій Пушкина многимъ его произведеніямъ, которыя „являлись паразитами на свѣтломъ фонѣ его поэзіи“, а иныя могутъ только быть терпимы, г. Якушкинъ замѣчаетъ, что пропущено было, однако, много такого матеріала, который можетъ

выдержать какую угодно критику и помѣщенію котораго не помѣшала бы эстетическая теорія... Въ теченіе своей работы по изученію рукописей г. Якушкинъ дѣйствительно указалъ не мало исправленій и дополненій къ тексту изданія г. Анненкова и позднѣйшихъ...

Когда, послѣ Пушкинскаго празднества 1880 года, старшій сынъ поэта, А. А. Пушкинъ, пожертвовалъ рукописи въ Московскій Румянцовскій Музей, то на первое время право пользованія ими, къ сожалѣнію, предоставлено было исключительно одному издателю „Русскаго Архива". Г. Бартеневъ давно, еще съ пятидесятыхъ годовъ, занимался Пушкинымъ, и „казалось,—говоритъ г. Якушкинъ, — что рукописи Пушкина попали въ надлежащія руки, въ руки спеціалиста, который, безъ сомнѣнія, постарается исполнить свое собственное требованіе (по поводу трудовъ г. Анненкова) „точнѣйшаго разсмотрѣнія" тетрадей Пушкина. Это ожиданіе было жестоко обмануто".

Г. Бартеневъ, владѣя своей монополіей, не предпринялъ настоящей критической работы, не собралъ исправленій и дополненій Пушкинскаго текста, а просто сдѣлалъ въ „Р. Архивѣ" изъ рукописей рядъ отрывочныхъ выписокъ, и потомъ, съ нѣкоторыми другими матеріалами, издалъ ихъ отдѣльной книжкой [1]). Г. Якушкинъ, сличивъ впослѣдствіи изданіе г. Бартенева съ подлинными бумагами, пришелъ къ самому невыгодному заключенію объ этомъ изданіи. „Нѣкоторыя странности текста въ этихъ отрывкахъ, сравненіе ихъ съ печатной редакціей и нѣкоторыя другія соображенія заставляли относиться къ изданію г. Бартенева въ высшей степени подозрительно... Подозрѣнія не были несправедливы; г. Бартеневъ далеко превзошелъ редакторовъ посмертнаго изданія и г. Анненкова въ ошибкахъ; его небрежность въ воспроизведеніи Пушкинскаго текста оставляетъ за собою почти все возможное, достигаетъ почти необъяснимыхъ размѣровъ".

Далѣе, рукописи Пушкина въ полномъ ихъ составѣ были въ рукахъ издателей „Альбома Пушкинской выставки" [2]); но въ этомъ изданіи опять не было сдѣлано никакихъ исправленій Пушкинскаго текста; „Альбомъ" заимствовалъ отсюда только нѣсколько снимковъ съ рисунковъ и рукописей Пушкина. Замѣтимъ, впрочемъ, что изслѣдованіе рукописей и не входило въ его планъ.

---

[1]) „А. С Пушкинъ. I". Москва, 1881.

[2]) Альбомъ московской Пушкинской выставки 1880 года. Изданіе Общества любителей россійской словесности, подъ редакціей дѣйствительнаго члена, Льва Поливанова. М 1882 4°.

По словамъ г. Якушкина, монополія г. Бартенева прекратилась, благодаря стараніямъ покойнаго А. Е. Викторова, бывшаго хранителемъ рукописей Московскаго Румянцовскаго Музея; съ осени 1882 года, съ согласія жертвователя, рукописи Пушкина открыты были для всеобщаго пользованія. Съ того же времени г. Якушкинъ занялся ихъ изученіемъ—сначала изъ личной любознательности; но когда потомъ оказалось, что рукописи не привлекли никого изъ спеціалистовъ исторіи литературы, онъ рѣшилъ развить свои изученія и напечатать ихъ результатъ. Трудъ г. Якушкина, довольно сложный, какъ увидимъ, составляетъ его большую заслугу для изученія Пушкина.

Цѣлью этого труда было, по словамъ г. Якушкина, „указать на то печальное положеніе, въ которомъ находится посмертный Пушкинскій текстъ, исправить, по возможности, его неполноты и ошибки; затѣмъ, описаніе даетъ не мало и дополненій, не бывшихъ въ печати, между которыми есть нѣкоторыя вещи, имѣющія вполнѣ самостоятельное художественное значеніе; наконецъ, въ описаніи читатель найдетъ довольно указаній и замѣтокъ, важныхъ для біографіи Пушкина, для характеристики и поэта, и его поэзіи“.

Число Пушкинскихъ рукописей, хранящихся въ Румянцовскомъ Музеѣ подъ № 2364—2395, по счету Музея, доходитъ до 32 переплетенныхъ и непереплетенныхъ книгъ, альбомовъ и тетрадей; но здѣсь же находится нѣсколько книгъ, составляющихъ оригиналъ посмертнаго Пушкинскаго изданія (писарской рукой, съ поправками Жуковскаго) или представляющихъ собраніе историческихъ матеріаловъ (рукой писца), такъ что собственно Пушкинскихъ рукописей, подлежащихъ изученію, остается 24 или 25. Объемъ этихъ книгъ, альбомовъ и тетрадей различенъ, отъ 32 до 219 листовъ, въ листъ и въ четверку. Нумерація рукописей, какъ выше было замѣчено, не отличается точностью и притомъ опекунская разнится съ жандармской: тамъ, гдѣ, по оффиціальному счету, было, напр., 51, на дѣлѣ—45 листовъ; или гдѣ по оффиціальному счету 65, тамъ на дѣлѣ 69 листовъ—больше или меньше, такъ какъ оффиціальная нумерація (опекунская и жандармская) или считала листы пустые, или, напротивъ, пропускала листы, писанные безъ нумера, и т. п.; коегдѣ листы, входившіе въ нумерацію, оказались вырванными. Всего, въ 25 собственно Пушкинскихъ рукописяхъ мы насчитали, по описанію г. Якушкина, 2,293 листа или 4,586 страницъ.

Таковъ матеріалъ, который подлежалъ изученію для опредѣленія подлиннаго Пушкинскаго текста и который былъ въ распо-

ряженіи редакторовъ посмертнаго изданія и г. Анненкова, а потомъ г. Бартенева. Должно сказать, что изученіе этого матеріала нелегко. Въ огромномъ большинствѣ, тетради Пушкина состоятъ именно изъ черновыхъ рукописей, набросковъ, писанныхъ поэтомъ для себя, поэтому небрежно, часто весьма неразборчиво, обильно перечерканныхъ, недоконченныхъ, перемѣшанныхъ; содержаніе—почти всегда отрывочно, нерѣдко неясно и загадочно; представляющіеся варіанты стихотвореній требовали бы очень подробной разработки, и копотливый трудъ иногда мало вознаграждается.

Г. Якушкинъ, прослѣдившій эти рукописи страница за страницей, во всѣхъ подробностяхъ, какъ случается обыкновенно въ спеціальной работѣ, былъ очень строгъ къ своимъ предшественникамъ. Эта строгость понятна въ отношеніи упомянутаго монопольнаго пользованія; издатель „Р. Архива“ не былъ уже нисколько стѣсненъ тѣми препятствіями, какія тяготѣли надъ его предшественниками, самъ еще раньше оцѣнивалъ всю возможность изученія Пушкинскихъ бумагъ, наконецъ—имѣлъ въ виду именно и только разработку этихъ рукописей, и отъ него справедливо можно было требовать внимательнаго отношенія къ дѣлу; монополія обязывала къ тому еще больше. Но намъ кажутся не вполнѣ спокойными замѣчанія г. Якушкина относительно изданія г. Анненкова. Во-первыхъ, какъ мы видѣли выше, его работа была обставлена такими мудреными условіями, которыя могли внушать редактору изданія 1855—57 года опасенія, весьма неблагопріятныя для самаго хода работы. Величайшая осторожность, какую надо было соблюдать, чтобы не компрометтировать дѣла, не могла не отразиться на пользованіи рукописями. Съ другой стороны, эстетическія ссылки, которыя приводилъ издатель въ защиту обвиненій въ неполнотѣ его извлеченій изъ Пушкинскихъ рукописей, были, безъ сомнѣнія, искренни. Издатель былъ вполнѣ проникнутъ взглядомъ на Пушкина, какъ на высокаго художника, взглядомъ, какой развивала критика сороковыхъ годовъ; художество—была основная, почти единственная, точка зрѣнія, съ которой смотрѣли на Пушкина и съ которой хотѣли представить его обществу въ изданіи его сочиненій. Пушкинъ историческій—стоялъ на второмъ планѣ; извѣстныя стороны его біографіи, его юношескія поэтическія увлеченія, неумѣренные гражданскіе порывы—разсматривались какъ дань молодости, которая можетъ не идти въ счетъ въ оцѣнкѣ его зрѣлаго творчества и не должна мѣшать эстетическому наслажденію его произведеніями. Позднѣйшія біографическія изслѣдованія г. Анненкова развиваютъ именно этотъ взглядъ; вполнѣ ли онъ точенъ—другой вопросъ, но въ искрен-

ности его нѣтъ сомнѣнія, и весьма вѣроятно, что онъ участвовалъ въ отношеніи издателя къ рукописямъ: издатель извлекъ изъ нихъ много новаго и важнаго, но, довольствуясь находками біографическими, довольствуясь наблюденіемъ процесса Пушкинскаго творчества, съ своей точки зрѣнія могъ не гнаться за всѣми подробностями того, что̀ представлялось сырымъ матеріаломъ и подготовительной работой; достаточно было результатовъ этой работы—законченныхъ и самимъ Пушкинымъ признанныхъ его твореній. Наконецъ,—и этого обстоятельства также нельзя упустить изъ виду,—въ то время, когда г. Анненковъ предпринималъ свою работу, у насъ еще не выработалась манера того детальнаго, кропотливаго библіографическаго разысканія, требованія котораго къ нему предъявляются: тогда лишь только складывались пріемы новой историко-литературной работы; первые образчики ея (между прочимъ, и по обстоятельствамъ времени) были часто мелочны, и трудъ г. Анненкова выдѣлялся своими достоинствами. Правда, провѣрка его работы, по самымъ источникамъ, была невозможна; но для начала сдѣлано было все-таки не мало, и самъ издатель предвидѣлъ и считалъ необходимымъ дальнѣйшій трудъ. Масса мелкихъ подробностей, представляемыхъ рукописями, такъ велика, что исчерпать ихъ отказался и г. Якушкинъ въ своей спеціальной работѣ.

Такова была судьба Пушкинскихъ рукописей по отношенію къ изданію его сочиненій. Ихъ необходимость для изданія очевидна; онѣ остались литературнымъ наслѣдіемъ великаго поэта, который не успѣлъ самъ довести до конца своего дѣла, не успѣлъ даже самъ пустить въ свѣтъ и то, что̀ было уже имъ закончено или почти закончено; здѣсь остались и разсѣянные отрывки его плановъ, интимныхъ мыслей, біографическихъ замѣтокъ, предварительныхъ работъ надъ своими произведеніями. Отнынѣ, когда рукописи стали общимъ достояніемъ, онѣ должны стать необходимымъ пособіемъ при изданіи его сочиненій.

Въ первый разъ послѣ труда г. Анненкова, новая работа надъ сочиненіями Пушкина и установленіемъ ихъ текста, на основаніи рукописей, предпринята была въ изданіи Литературнаго Фонда.

Предисловіе даетъ объ этомъ изданіи слѣдующія свѣденія.

Предпринимая это изданіе, комитетъ Литературнаго Фонда имѣлъ цѣлью представить, во-первыхъ, по возможности, полный и тщательно провѣренный текстъ Пушкина и, во-вторыхъ, дать

книгу, которая могла бы служить пособіемъ для занимающихся изученіемъ какъ самого Пушкина, такъ и Пушкинской эпохи вообще. Съ этою цѣлью редакціею изданія были пересмотрѣны, исправлены и дополнены, по подлиннымъ рукописямъ Пушкина, хранящимся въ Москвѣ, въ Румянцовскомъ Музеѣ, и въ Петербургѣ, въ Импер. Публичной Библіотекѣ, всѣ его произведенія, впервые появившіяся въ печати послѣ его смерти; произведенія Пушкина, требовавшія объясненій, снабжены примѣчаніями біографическими, библіографическими и историко-литературными, гдѣ, между прочимъ, указаны заимствованія изъ писателей русскихъ и иностранныхъ и подражанія имъ, сообщены свѣденія о лицахъ и фактахъ, имѣющихъ отношеніе къ данному произведенію или послужившихъ для него поводомъ, и отмѣчены критическіе и полемическіе отзывы, явившіеся въ печати при жизни Пушкина.

Подробная программа этого изданія была разсмотрѣна отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, и, подъ наблюденіемъ коммиссіи изъ нѣсколькихъ бывшихъ и настоящихъ членовъ комитета Литературнаго Фонда, общая редакція изданія поручена была П. О. Морозову.

Сочиненія Пушкина распредѣлены въ новомъ изданіи по слѣдующимъ отдѣламъ:

I: Мелкія стихотворенія (томы 1-й и 2-й).

II: Поэмы, сказки, пѣсни западныхъ славянъ и драматическія произведенія въ стихахъ (томы 2-й и 3-й).

III: Романы, повѣсти и драматическія произведенія въ прозѣ; путешествіе въ Арзрумъ (томъ 4-й).

IV: Журнальныя статьи и замѣтки; дневникъ; записки и черновыя критическія статьи (томъ 5-й).

V: Исторія Пугачевскаго бунта и историческіе матеріалы (томъ 6-й).

VI: Письма (томъ 7-й).

Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ принятъ хронологическій порядокъ сочиненій; при каждомъ отдѣльномъ произведеніи, гдѣ это было возможно, отмѣчено время написанія, причемъ хронологическія данныя провѣрены по рукописямъ; за произведеніями законченными помѣщены, подъ соотвѣтствующими годами, черновые отрывки и наброски. Имѣя въ виду, что между произведеніями Пушкина есть вещи, которыхъ онъ самъ, по ихъ содержанію, не могъ предназначать къ печати и которыя, притомъ, не сохранились въ подлинныхъ рукописяхъ, редакція сочла возможнымъ, не включая ихъ въ текстъ, отнести въ дополнительныя

библіографическія примѣчанія, гдѣ помѣщены и нѣкоторыя поправки къ тексту.

Что касается варіантовъ, то, для возможно правильнаго возстановленія текста, изъ нихъ приводятся въ выноскахъ лишь такіе, которые или допускались самимъ авторомъ въ разныхъ, при его жизни напечатанныхъ, изданіяхъ его сочиненій, или же имѣютъ значеніе автобіографическое и историко-литературное, каковы, напр., варіанты въ посланіи Жуковскому 1818 г., или въ „Памятникѣ"; каковы также мѣста, измѣненныя или отброшенныя при печатаніи, но не зачеркнутыя въ рукописяхъ, и т. п.

Въ виду крайней затруднительности, а во многихъ случаяхъ и невозможности возстановить подлинное Пушкинское правописаніе, соблюдается въ изданіи общепринятое теперь правописаніе, тѣмъ болѣе, что самъ Пушкинъ никогда не держался послѣдовательно какой-нибудь опредѣленной и заслуживающей вниманія орѳографической системы.

Въ приложеніи къ изданію, въ 7-мъ томѣ, помѣщены: полный хронологическій и библіографическій списокъ произведеній Пушкина, съ указаніемъ, гдѣ каждое изъ нихъ было въ первый разъ напечатано; алфавитный указатель лицъ и нѣкоторыхъ предметовъ, упоминаемыхъ въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ. Стихотворенія (при 3-мъ томѣ) указаны и по заглавіямъ, и по первымъ стихамъ; письма (въ 7-мъ томѣ) въ указателѣ собраны по фамиліямъ лицъ, къ которымъ они адресованы.

Въ общемъ счетѣ, въ отдѣлѣ мелкихъ стихотвореній, болѣе или менѣе значительныя поправки или дополненія внесены въ 56 стихотвореній, и 7 стихотвореній напечатаны здѣсь въ первый разъ; напротивъ, изъ числа стихотвореній, помѣщенныхъ въ изданіяхъ 1880 и 1882 г., не вошли въ настоящее изданіе 6 стихотвореній, которыя приписывались Пушкину безъ основанія. Пропуски въ текстѣ стихотвореній, а также неразобранныя или недописанныя мѣста въ черновыхъ набросках означены точками; слова, поставленныя взамѣнъ неразобранныхъ или прочитанныхъ по догадкѣ, заключены въ прямыя скобки.

Во второмъ отдѣлѣ приведены черновые варіанты къ „Кавказскому Плѣннику"; исправлена и дополнена „Приписка" къ этой поэмѣ; дополнена „Программа комедіи"; въ первый разъ напечатана программа „Вадима"; исправлена сказка „Царь Никита"; дополнены „Отрывки изъ поэмы"; возстановленъ первоначальный текстъ „Бориса Годунова" и сказки о попѣ и его работникѣ; сдѣланы исправленія въ текстѣ „Русалки" и „Каменнаго Гостя"; приведены черновыя строфы изъ „Домика въ Коломнѣ", „Родословной моего героя" и „Евгенія Онѣгина".

Въ третьемъ отдѣлѣ, кромѣ повѣстей и разсказовъ, напечатанныхъ самимъ Пушкинымъ („Повѣсти Бѣлкина", „Капитанская дочка", „Кирджали", „Путешествіе въ Арзрумъ"), всѣ остальныя произведенія, печатавшіяся до сихъ поръ съ пропусками и въ искаженномъ видѣ, значительно исправлены и дополнены по рукописямъ.

О четвертомъ отдѣлѣ предисловіе замѣчаетъ: „Составляющія его произведенія — кромѣ напечатанныхъ самимъ Пушкинымъ— были искажены прежними издателями часто до неузнаваемости, такъ что въ настоящемъ изданіи многія изъ нихъ только впервые являются въ подлинномъ видѣ".

Исторія Пугачевскаго бунта, какъ напечатанная самимъ Пушкинымъ, помѣщена безъ всякихъ измѣненій, но дополнена примѣчаніями, въ то время не попавшими въ печать.

Отдѣлъ писемъ, сравнительно съ изданіемъ 1882 года, дополненъ семейною перепискою Пушкина и нѣсколькими письмами, вновь явившимися въ печати или извлеченными изъ рукописей. Стихотворенія, включенныя Пушкинымъ въ свои письма и связанныя съ ихъ содержаніемъ, напечатаны въ текстѣ писемъ и уже не помѣщаются въ отдѣлѣ стихотвореній, чтобы не дѣлать повтореній. На томъ же основаніи, стихотвореніе „Клеопатра" и романсъ „Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный" перенесены изъ отдѣла стихотвореній—первое въ отрывокъ изъ „Египетскихъ Ночей", а второй—въ „Сцены изъ рыцарскихъ временъ".

Наконецъ, къ изданію приложены три портрета Пушкина: первый — копія съ гравюры Гейтмана по оригиналу Брюлова (или Чирикова), приложенной къ изданію „Кавказскаго Плѣнника" 1822 г.; второй — копія съ карандашнаго портрета, рисованнаго Жюлемъ Вернэ въ 1820 г., являющаяся въ настоящемъ изданіи въ первый разъ; и третій — копія съ гравюры Уткина по оригиналу Кипренскаго, помѣщенной въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" 1828 г. Портреты воспроизведены — два первые въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, третій — въ фототипіи г. Штейна.

Таковъ планъ и исполненіе изданія, приготовленнаго Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Мы не знаемъ въ настоящую минуту, какъ составлены другія изданія Пушкина, которыхъ цѣлая масса является теперь, когда право изданія его сочиненій стало общей собственностью; но, по сравненію со всѣми прежними изданіями, изданіе Литературнаго Фонда представляетъ достоинства вновь внимательно провѣрен-

наго и обильно дополненнаго и объясненнаго текста и, такимъ образомъ, удовлетворяетъ основной, первоначальной потребности— правильнаго чтенія великаго поэта. Новое изданіе воспользовалось тѣмъ опытомъ, какой давала исторія Пушкинскаго текста, и обратилось къ источникамъ—къ собственнымъ рукописямъ Пушкина. Матеріалъ ихъ, какъ мы видѣли, остался далеко не исчерпанъ прежними издателями; новѣйшее изданіе бумагъ Пушкина сдѣлано было слишкомъ невнимательно, чтобы на немъ можно было опереться; первое подробное описаніе Пушкинскихъ рукописей сдѣлано было г. Якушкинымъ, но, устранивъ много прежнихъ ошибокъ и недосмотровъ, сообщивъ много важныхъ указаній, оно также не извлекало всего, что̀ представляли рукописи Пушкина для исправленія его текста, — предоставляя это будущему изданію. Редакція изданія Литературнаго Фонда произвела новое изученіе рукописей, причемъ и г. Якушкинъ оказалъ ей цѣнное содѣйствіе, —и въ результатѣ текстъ Пушкина получилъ новыя исправленія и также дополненія, еще никогда не бывшія въ печати. При этомъ оказались довольно многочисленныя пополненія и относительно того, что̀ было отмѣчено г. Якушкинымъ; внесены многіе любопытные эпизоды, до сихъ поръ неизвѣстные.

Въ оглавленіи 1-го и 2-го тома отмѣчены звѣздочкою тѣ пьесы (въ отдѣлѣ мелкихъ стихотвореній), гдѣ сдѣланы болѣе или менѣе значительныя исправленія и дополненія (числомъ 56), и тѣ пьесы, которыя являются въ настоящемъ изданіи въ первый разъ изъ рукописей Румянцовскаго Музея и Публичной Библіотеки. Любители Пушкинской поэзіи съ интересомъ прочтутъ эти новыя пьесы: „Мнѣ васъ не жаль“ (I, стр. 230), „Составленъ онъ изъ подлой спѣси“ (стр. 263), „Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ“ (стр. 264), „Посланіе графу О**“ (стр. 334), „Мнѣ жаль великія жены“ (стр. 336), „Въ рощахъ карійскихъ“ (II, стр. 28), „Еще одной высокой, важной пѣсни“ (стр. 85), въ особенности первую и послѣднюю; любопытно также и „посланіе графу О**“.

Не останавливаясь на множествѣ тѣхъ, выше перечисленныхъ, отличій, какія имѣетъ новый текстъ сравнительно съ прежними изданіями, приведемъ нѣсколько примѣровъ тѣхъ поправокъ, какія текстъ настоящаго изданія представляетъ сравнительно съ послѣдними изысканіями въ Пушкинскихъ рукописяхъ (напр., даже у г. Якушкина). Въ стихотвореніяхъ это — большею частію — отдѣльныя подробности, которыя, однако, должны были найти мѣсто, какъ поправки прежняго неправильнаго чтенія, и иногда любопытны, какъ черты поэтическаго стиля, а иногда открываютъ

цѣлыя новыя созданія Пушкинской поэзіи. Напримѣръ: въ стихотвореніи „Красавицѣ, которая нюхала табакъ“ (I, стр. 22—23):

Разсыпался на грудь, подъ шалевый платокъ...
(Въ прежнихъ текстахъ: шелковый.)

„Посланіе къ Юдину“—(лицейскому товарищу; т. I, стр. 97—102)—печаталось прежде въ отрывкахъ подъ именемъ „Посланія къ Юшкову“; теперь оно возстановлено въ цѣломъ составѣ и съ болѣе точнымъ чтеніемъ.

Въ „Элегіи“ (I, 142 — 143, гдѣ надо отмѣтить опечатку въ оглавленіи, такъ какъ принадлежащая сюда звѣздочка отнесена къ слѣдующей пьесѣ):

Кому невѣдомъ страшный плѣнъ...
(Въ чтеніи г. Якушкина: страстный.)

Въ „Черновыхъ набросках“ (I, 196 — 197) цѣлый рядъ стиховъ прочитанъ въ рукописяхъ вновь и, безъ сомнѣнія, болѣе правильно, нежели читалось прежде.

Въ другихъ „Черновыхъ набросках“ (I, 264 и др), въ пьесѣ: „Въ твою свѣтлицу, другъ мой нѣжный“:

Любви счастливой, безмятежной...
(Въ прежнемъ чтеніи было: безнадежной, что противорѣчитъ смыслу текста.)

Въ наброскѣ: „Графу О...“ (I, 334) внесены многія слова, совсѣмъ неразобранныя въ прежнемъ чтеніи. Новое чтеніе внесено въ набросокъ: „Лишь розы увядаютъ“ (I, 377).

Въ стихотвореніи: „Увы, языкъ любви болтливой“ (II, 36) послѣдніе два стиха прочтены опять полнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ было прочитано прежде.

Въ образчикъ того, какіе прекрасные отрывки сберeглись,—какъ фрагменты изящной статуи, — въ рукописяхъ, и опять въ примѣръ того, что вноситъ новаго въ этомъ отношеніи настоящее изданіе, приводимъ чтеніе одного любопытнаго наброска 1829 г. въ изданіи Литературнаго Фонда, отмѣтивъ разрядкой то, что осталось неразобраннымъ въ чтеніи г. Якушкина:

Еще одной высокой, важной пѣсни
Внемли, о Фебъ, и смолкнувшую лиру
Въ разрушенномъ святилищѣ твоемъ
Повѣшу я — пускай, при шумѣ бурь,
Печальный звукъ... [1]).
...Еще единый гимнъ —
Внемлите мнѣ, пенаты — вамъ пою

[1]) Повѣшу я—да стонетъ
Когда столбы его колеблетъ буря.

Отвѣтный гимнъ, совѣтники Зевеса,
Живете ль вы въ небесной глубинѣ,
Иль, божества всевышнія, всему,
По мнѣнью мудрецовъ, причина вы,
И слѣдуютъ торжественно за вами
Великій Зевсъ съ супругой волоокой
И мудрая богиня, дѣва силы,
Аѳинская Паллада, — вамъ хвала.
Примите гимнъ, таинственныя силы!
Хоть долго былъ изгнаньемъ удаленъ
Отъ вашихъ жертвъ и тихихъ возліяній,
Но васъ любить не преставалъ, о боги,
И въ долгіе часы пустынной жизни
Томительно просилась отдохнуть
Близъ вашего святого пепелища
Моя душа, — тамъ миръ (и тишина)...
Такъ я любилъ васъ долго! Васъ зову
Въ свидѣтели, съ какимъ святымъ волненьемъ
Оставилъ я людское стадо наше,
Дабы стеречь вашъ огнь уединенный,
Бесѣдуя одинъ съ самимъ собою.
Часы неизъяснимыхъ наслажденій!
Они даютъ намъ знать сердечну глубь,
Въ могуществѣ и въ немощахъ сердечныхъ
Они любить, лелѣять научаютъ
Не смертныя, таинственныя чувства,
И насъ они наукѣ первой учатъ —
Чтить самого себя. О нѣтъ, во вѣкъ
Не преставалъ молить благоговѣйно
Васъ, божества домашнія... [1]).

Это, хотя недоконченное, стихотвореніе можетъ быть безспорно поставлено на ряду съ лучшими признаніями Пушкинской поэзіи...

Укажемъ еще рядъ исправленій текста — опять не только въ сравненіи съ прежними изданіями, но и со сдѣланными въ новѣйшее время извлеченіями изъ Пушкинскихъ бумагъ: напр., въ стихотвореніи „Мéдокъ“ (II, 125), въ черновыхъ набросках пьесы: „Вновь я посѣтилъ“ (II, 184), въ „Программѣ комедіи“ (II, 311), въ дополненіяхъ къ „Родословной моего героя“ (III, 553, 557), и т. д.

Еще болѣе значительны исправленія и дополненія въ Пушкинской прозѣ. Выше упомянуто, въ какихъ произведеніяхъ Пушкина сдѣланы въ настоящемъ изданіи эти поправки; для всѣхъ любителей русской литературы будетъ удовольствіемъ уви-

---

[1]) Ср. „Русская Старина“, 1884, ноябрь, стр. 351—352.

дѣть текстъ Пушкина освобожденнымъ отъ ошибокъ и пропусковъ, которые искажали его слишкомъ часто по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ,—и встрѣтить неизвѣстные доселѣ эпизоды и подробности. Укажемъ, напр., тѣ обширныя добавленія, съ какими является въ настоящемъ изданіи знаменитая „Исторія села Горохина“ или нѣкоторыя изъ повѣстей, поправки къ повѣсти „Дубровскій“, къ „Египетскимъ Ночамъ“, къ „Запискамъ Нащокина“, къ повѣствовательнымъ отрывкамъ, и проч. (т. 4-й).

Подобнымъ образомъ, обширныя исправленія сдѣланы въ 5-мъ томѣ, заключающемъ критическія, библіографическія, полемическія статьи, историческія замѣтки, дневникъ. О шестомъ и седьмомъ томѣ мы выше упоминали.

Словомъ, относительно текста, изданіе Литературнаго Фонда представляетъ наиболѣе полную и внимательную работу, какая была до сихъ поръ сдѣлана въ этомъ отношеніи; оно воспользовалось всѣми предыдущими изслѣдованіями и сообщеніями и, главное, воспользовалось, съ возможной полнотой, матеріаломъ Пушкинскихъ бумагъ. Что касается плана, т.-е. распредѣленія самыхъ сочиненій, на нашъ взглядъ онъ наиболѣе цѣлесообразенъ, отличая главнѣйшія группы произведеній Пушкина и въ каждой группѣ проводя строгій хронологическій порядокъ. Тотъ же порядокъ принятъ и въ размѣщеніи писемъ Пушкина: въ изданіи 1882 года, гдѣ онѣ въ первый разъ были собраны, письма расположены по лицамъ, къ которымъ были адресованы, и порядокъ лицъ опредѣлялся наиболѣе раннимъ письмомъ — очевидно, расположеніе слишкомъ случайное; въ изданіи Литературнаго Фонда письма размѣщены только по времени написанія, въ параллель къ біографіи и писательской дѣятельности Пушкина, а по именамъ корреспондентовъ письма собраны только въ указателѣ.

Другая работа редакціи заключалась въ составленіи объяснительныхъ примѣчаній. Выше мы упоминали, какіе предметы имѣлись въ виду въ этихъ примѣчаніяхъ; эти предположенія выполнены вообще съ большою внимательностью. Читатель находитъ здѣсь произведенія Пушкина обставленными необходимѣйшимъ историческимъ матеріаломъ, который указываетъ время ихъ происхожденія и, гдѣ возможно, обстоятельства личныя и литературныя, съ какими связана пьеса, исторію ея написанія, источники, главнѣйшіе варіанты, впечатлѣніе, произведенное ею въ современной литературѣ, и т. п. Въ изданіи того объема, какой былъ предположенъ, были бы неумѣстны комментаріи болѣе обширные; но въ примѣчаніяхъ указаны всѣ главнѣй-

шіе біографическіе и историко-литературные труды, которые служатъ для объясненія даннаго произведенія. Въ заключеніе всего, въ 7-мъ томѣ, данъ обстоятельный хронологическій и библіографическій списокъ произведеній Пушкина, который можетъ служить весьма полезнымъ руководствомъ для тѣхъ, кто желалъ бы заняться детальнымъ изученіемъ Пушкина. Это—полная хронологія писательской дѣятельности Пушкина: произведенія его приведены въ порядкѣ годовъ и нерѣдко мѣсяцевъ и чиселъ, когда онѣ написаны или начаты и кончены, причемъ указано, въ какомъ изданіи онѣ въ первый разъ появились при жизни или по смерти Пушкина, а также отмѣчено, если онѣ находятся въ бумагахъ Пушкина; звѣздочкой отличены здѣсь тѣ немногія произведенія, которыя не вошли, по неудобству ихъ, въ настоящее изданіе. Этотъ трудъ — первый въ своемъ родѣ—исполненъ съ большою точностью.

Такимъ образомъ, въ изданіи Литературнаго Фонда можно привѣтствовать наиболѣе полный и исправный текстъ Пушкина, обставленный необходимыми историческими объясненіями и множествомъ библіографическихъ справокъ и свѣденій.

Когда возникла мысль о настоящемъ изданіи, высказывалось желаніе, чтобы произведенія Пушкина были, наконецъ, изданы еще болѣе широкимъ образомъ — съ подробнымъ комментаріемъ его произведеній со стороны ихъ значенія эстетическаго, историко-литературнаго и со стороны ихъ языка. Такое изданіе, безъ сомнѣнія, необходимо; оно было бы достойнымъ памятникомъ великаго писателя и должно было бы по возможности объединить тотъ громадный историко-литературный матеріалъ, который накопился теперь, черезъ полъ-вѣка, истекшихъ по его смерти, какъ необходимо было бы жизнеописаніе, гдѣ была бы собрана и связана въ органическое цѣлое та масса разбросанныхъ біографическихъ свѣденій, документовъ и воспоминаній, какая уже имѣется въ литературѣ. Жизнь и дѣятельность этого родоначальника нашей новѣйшей литературы сложились такимъ исключительнымъ образомъ, что его произведенія требуютъ этого особеннаго комментарія, а также воспроизведенія, сколько возможно, его посмертнаго наслѣдія. Изданіе Литературнаго Фонда до сихъ поръ наилучшимъ образомъ удовлетворяетъ этой потребности и трудъ г. Морозова, которому принадлежитъ редакція этого изданія, составитъ его большую и памятную заслугу для исторіи русской литературы.

А. Пыпинъ.